

— Сяо Чу, тетушка Лю присмотрела тебе пару. Не хочешь взглянуть?

— Тетушка Лю, пожалуй, не стоит. У меня нет денег, чтобы думать о браке.

— Тетушка Лю знает, поэтому возьму с тебя всего тридцать тысяч. Если согласна, сразу обговорим свадьбу. Вон, дочка второй тетушки У уже замужем, сын Цянь Цяня в прошлом месяце женился. В деревне людей мало, осталась только ты одна.

На этот раз очередь дошла до двадцатитрёхлетнего одинокого пса — Цзян Чу должна была выйти замуж.

Односельчане завидовали: прослышали, что она берёт в жёны красавицу неземной красоты, выше её ростом, прекраснее, богаче и изнеженнее на вид.

Единственный недостаток — дурочка, не узнающая ни одного нечеловеческого существа, когда-либо появлявшегося в их деревне.

Когда сваха пришла сватать, Цзян Чу долго думала, а потом достала из заначки все сбережения, оставленные родителями, — тридцать тысяч — и взяла в жёны женщину. Интересно, не явились бы предки с того света и не надавали бы ей по голове.

Сердце колотилось как бешеное, руки тряслись от страха ошибиться. Она покорно выгребла все накопления и отдала свахе:

— Бабушка Лю, это все мои деньги. Берите.

Тётушка Лю расцвела улыбкой, забрала деньги и подмигнула:

— Не волнуйся, за тётушку Лю можешь не переживать. Уж на этот раз я тебе такую красавицу сосватаю — счастливая ты будешь.

— Т-тогда... спасибо, что взяли на себя хлопоты, тётушка Лю.

Цзян Чу была человеком честным и надёжным. Сама она выглядела неплохо: невысокая, ладная, милая и приятная. Неприхотливая, хотела просто найти спутника жизни, вместе делить радости и горести, и красота для неё значения не имела.

Тётушка Лю сказала, что та девушка слишком хороша собой, но кроме своего имени ничего не помнит — с головой у неё неладно. Для Цзян Чу это пара — идеально.

Цзян Чу не придавала значения. Она была круглой сиротой, и для неё главное — чтобы рядом был человек, с кем можно разделить жизнь, независимо от пола. Остальное уладится.

Через несколько дней после визита свахи Цзян Чу увидела ту женщину. Белая булочка в руке вдруг потеряла вкус: с первого взгляда она пропала.

Женщина была воплощением изящества и утончённости: кожа белая, глаза удлинённые, чёрные как смоль, фигура стройная и тонкая, черты лица — само очарование и томность, подлинная классическая красавица.

Неделю спустя Цзян Чу наспех сыграла свадьбу. В их Деревне Фаньхуа не водилось много церемоний. Место глухое, деревушка крохотная: многие уже перебрались в город, остались только бедняки. Женщины, женящиеся на женщинах, здесь давно не редкость.

Родных и друзей у неё не было. Из имущества — маленький домик с двориком, две овцы да несколько му земли. Больше ничего.

Денег на пышную свадьбу не было. Она засунула двести юаней и попросила соседскую бабушку из семьи старого Чэня, дожившую до девяноста восьми лет, стать свидетельницей.

Старуху под руки подвели и усадили на расшатанный деревянный стул. Стул всё качался, и сердце Цзян Чу качалось вместе с ним. У бабушки были редкие седые волосы, лицо в морщинах, к тому же она страдала старческим слабоумием, бормотала невнятно, а на ярко-красном лице расплывалась дурашливая улыбка. Вдобавок тусклая жёлтая лампочка над головой — вся свадьба напоминала жуткий фильм ужасов.

Цзян Чу от страха вытаращила глаза, кожа на голове стянулась. Хорошо ещё, что невеста была в фате, иначе от одного вида этой старухи точно бы сознание потеряла. Сцепив зубы, она кое-как провела обряд и благополучно поженилась.

Её новоиспечённая жена находилась в одном чи от неё. Ни белого платья, ни «БМВ», ни «Мерседеса», ни паланкина — только большая кровать, где можно было поместиться вдвоём, да сама Цзян Чу как приданое.

После свадьбы.

Невеста уже сняла фату — длинные волосы рассыпались по плечам, чёрные и блестящие, алые губы пылали, лицо ослепительно прекрасное и соблазнительное.

Она откинула со лба густые, словно морская капуста, пряди, подошла на каблуках к Цзян Чу и, глядя сверху вниз, взяла её за подбородок, разглядывая.

— Ты моя жена?

Цзян Чу остолбенела, сердце колотилось как бешеное, от волнения она не могла вымолвить ни слова.

Она никогда не видела таких красивых людей. Смущённая глубоким взглядом этих глаз, она поспешно опустила голову.

Слишком красивые люди подавляли. Эта женщина была на три года старше. Настоящая аристократка — непонятно, уживутся ли они.

— Д-дорогая, может, ляжешь спать? — от волнения голос её заплетался. Она чуть протянула руку, чтобы коснуться белой, нежной, с тонкими пальцами ладони жены.

Рука замерла на полпути: Цзян Чу увидела на аккуратных ногтях жены красный лак, потом взглянула на собственную ладонь — грубую, в мозолях и ссадинах — и отдернула её.

Её кожа была как наждачная бумага — прикоснись, и сдерёшь слой.

Она скривила губы, взъерошила свои спутанные волосы и смущённо сказала:

— Я... я принесу тебе воды искупаться. Дом у нас скромный, ты уж не обессудь.

Женщина огляделась. «Скромный» — это мягко сказано. Это было просто откровение.

Кроме маленькой кровати да двух столов со стульями — пустота. Место для мытья — в соседней каморке. Ни душа, ни ванны, ни лепестков для купания, ни любимого красного ковра на полу.

Глухая дыра, захудалый уголок, где можно спрятаться. Но для долгой жизни не годится.

Цзян Чу покосилась на свою жену. Не слишком ли та высокомерна? Она и говорить стала неуверенно. Неужели и правда с неба свалился пирожок и ударил её по голове? Или она, жаба, вздумала полакомиться лебединым мясом?

Она потёрла свои мягкие щёки и собралась заговорить:

— Э-это...

— Меня зовут Цзян Ни. — Женщина отвела взгляд и заговорила спокойно. Голос низкий, холодный, бархатистый и мягкий.

— Цзян Ни... Красивое имя. А я Цзян Чу. «Чу» как «первая встреча».

— Ступай греть воду. Я вся грязная. — У неё была жуткая чистоплотность. При виде мошкары, вьющейся вокруг лампочки, её передёрнуло.

— Подожди немного, сейчас согрею.

Цзян Чу, подпрыгивая, побежала на кухню. Села у печи, налила в большой котёл воды, засунула внутрь немного дров и разожгла огонь.

Она подпёрла щеку рукой и задумалась, как ей теперь жить с этой прекрасной женой. Не дать голодать, не дать страдать, да ещё и красивые платья покупать — видно, придётся больше работать.

Цзян Чу с детства жила бедно. Училась хорошо, но после старшей школы денег на университет не было, и она осталась дома, обрабатывала землю, каждый день ездила в город продавать паровые булочки и жареные палочки — еле сводила концы с концами.

Недавно она полгода работала в городе, устроилась на работу, но наткнулась на какого-то извращенца. После пережитого шока она уволилась и вернулась в деревню, решив целиком посвятить себя сельской жизни.

Вода закипела. Цзян Чу приготовила большую деревянную кадку, налила туда воду, проверила рукой — в самый раз.

Она негромко позвала:

— Жёнушка, можно купаться!

Цзян Ни подошла на каблуках, посмотрела на примитивную кадку, рядом с которой растеклась лужица, и нахмурилась:

— Что это?

— Деревянная ванна. Ну... она у нас натуральная, из цельного дерева. Без красителей, без формальдегида. Объёмная такая — словно в лодочке качаешься.

Цзян Ни молчала.

Цзян Чу с опаской смотрела на неё, изо всех сил стараясь приукрасить протекающую кадку. Лишь бы жена не побрезговала.

Цзян Ни прижала палец к подбородку и спросила:

— Я никогда не видела такой забавной штуки. Я многое забыла. Тётушка Лю приютила меня и сказала, что я отныне твоя жена и должна тебя слушаться. Что велишь лежать — буду лежать. Но иногда мне кажется, что в моём мире я тоже видела какую-то кадку... не помню, какую.

У Цзян Чу сжалось сердце. Оказывается, женщина жила ещё беднее и несчастнее её — даже кадки не знает.

Бедняжка. Неудивительно, что оказалась у тётушки Лю. В ней всколыхнулось сочувствие к прекрасным созданиям, и она утешила:

— Ничего, ничего. Здесь ты увидишь ещё много интересного. Я буду хорошо о тебе заботиться, никому не дам в обиду.

Цзян Ни распахнула свои длинные, чёрные, как смоль, глаза, улыбнулась, и на щеках появились очаровательные ямочки:

— Правда?

— Конечно.

— Тогда я помоюсь, а ты иди спать. А Чу, кровать слишком жёсткая, я не смогу на ней спать. Буду спать на полу.

— ...Как же я позволю тебе спать на полу? Я постелю помягче. — Цзян Чу надула губы, уголки глаз опустились. Какой бы никчёмной она ни была, жену на пол не уложишь. И она снова, словно рабыня, побежала стелить постель.

Ничего, если ей самой придётся туго. Главное, чтобы жене было удобно.

Вот тогда она и будет счастлива.

Цзян Ни вышла из душа в пижаме Цзян Чу с белыми зайчиками. Пижамы была мала, едва прикрывала длинные ноги, делая их ещё заметнее. Сейчас стоял сентябрь, сезон османтусов, погода всё ещё тёплая, по ночам стрекотали сверчки. Ветер задувал в дом, принося прохладу.

Цзян Ни провела пальцами по спутанным волосам, откинула их назад, оглядела аккуратно застеленную кровать, пощупала матрац — мягко, удобно, не жёстко и не бугристо.

— Жёнушка, пора спать. Попробуй, удобно ли. — Цзян Чу, вылив воду, вошла в комнату и потёрла глаза.

Цзян Ни смотрела на её круглое личико, на капли пота на лбу, на большие глаза, чистые и яркие, как звёзды. Эта девчонка была не из того мира, где все льстят и угождают, — простая, искренняя, хочет сделать ей добро.

И она сказала:

— Тогда ложись со мной.

Цзян Чу открыла рот:

— Если я лягу, будет очень тесно.

Цзян Ни мягко улыбнулась и погладила её по голове:

— Ничего. Мне нравится тесно с тобой.

Щёки Цзян Чу залились румянцем. В нос ударил приятный аромат от тела жены. Она чувствовала исходящую от неё неописуемую ауру — очень красивую, словно скрытую веками.

— Ну... хорошо.

Она, вспотевшая, принесла вентилятор и поставила его у изголовья. Вентилятор был старым — при включении вся колонна дребезжала по всей комнате.

— Если жарко — включай.

Цзян Ни с недоумением уставилась на вентилятор с двумя лопастями. Эта штука её позабавила. За эти дни она увидела много интересных вещей, а самой занятной оказалась девчонка, что взяла её в жёны.

Она взяла Цзян Чу за руку. Ресницы опустились, в глазах застыла чернота, похожая на глубокое море.

— А Чу, ты ко мне так добра.

Цзян Чу совсем потеряла голову от её голоса, закивала как китайский гонг:

— Ты же моя жена. Я только и хочу, чтобы тебе было хорошо. Что ты глупенькая — не страшно. Я рядом, я тебя в обиду не дам.

— Тогда прошу любить и жаловать, — прошептала Цзян Ни с нежной улыбкой.

— А... да.

Круглая луна висела в небе, как изогнутый нож. В глубокой синеве ночи колыхались ветви, ветер шелестел листвой.

Рядом уже крепко спали, дыхание было ровным.

Цзян Ни повернула голову, взглянула на спящую с закрытыми глазами Цзян Чу и лениво усмехнулась.

Она поднялась и вышла во двор.

Взгляд её устремился к луне — в этой картине была какая-то умиротворяющая даль.

Она отрешенно посмотрела по сторонам, достала телефон и набрала номер.

На том конце ответили мгновенно:

— Где ты сейчас?

Цзян Ни прищурилась, вслушиваясь в шум ветра:

— Тебе не обязательно знать. Шесть месяцев. Жди меня.

Она закончила разговор, сощурила глаза, вынула из телефона SIM-карту, зажала её большим пальцем, холодно усмехнулась и сломала пополам.

<http://bllate.org/book/19578/1919842>